

В полдень накрыли два больших стола. Чэн Шинань с Вэй Цю сели вместе со всеми. Мужики втихомолку переглядывались и посмеивались, видя их идиллию.

Ин-эр очень не хотелось расставаться с мягким и добрым Цю-гэром, но пришлось смириться с реальностью.

Подали огромную лохань тушеной капусты на костном бульоне. В нее добавили нежнейший тофу, обжаренную свиную печень и потрошка. Выглядело всё невероятно аппетитно.

— Цю-гэр, попробуй скорее! Как тебе стряпня тетушки? — Цзиньхуа поставила блюдо и обратилась к Вэй Цю.

Тот подцепил кусочек потрошков — упругие, ароматные, просто объедение!

— Вкусно! У вас золотые руки, тетушка!

Цзиньхуа просияла: — Да это всё благодаря твоим советам, жарила точно по твоему рецепту.

Остальные, услышав это, наперебой застучали палочками, боясь опоздать: — Ух, под такую закуску и выпить — одно удовольствие!

Вэй Цю тем временем обглаживал две сахарные косточки. Мясо было настолько нежным, что само отходило от кости, а сладость тофу и капусты убирала лишнюю жирность. За столом все ели с жадностью, не заботясь о приличиях — в деревне ценится честность и хороший аппетит.

После сытного обеда Шинань и Вэй Цю остались в главной комнате: слушали байки, лузгали семечки и ели арахис. Соседи, прослышав, что Вэй Цю наконец выбрался в люди, тоже заходили поздороваться.

Весь вечер прошел в шуме и веселье. Когда в небе снова закружились снежинки, Шинань поблагодарил хозяев и увел мужа домой.

— Завтра я сам съезжу, а ты побудь дома, — сказал Шинань.

Завтра было двадцать седьмое число — время ехать в город за новогодними покупками: парными надписями, свечами, благовониями и ритуальными деньгами. Из-за смерти старшего брата Шидуна они не планировали устраивать пышное торжество, но почтить предков было необходимо.

— Ладно, буду ждать тебя дома, — согласился Вэй Цю.

Он понимал, что Шинань боится простудить его, и не хотел обременять мужа.

— М-м... Хочу сахарное танхулу (фрукты в карамели), — лукаво прищурился Вэй Цю.

Шинань кивнул: — Куплю.

— И те пирожные, что в прошлый раз!

— Куплю!

Вэй Цю рассмеялся: — Ты что, купишь всё, что я ни попрошу?

— Всё куплю, — серьезно подтвердил Шинань.

Дома Шинань затопил печь, а Вэй Цю залез на кан и растянулся, не желая шевелиться.

— Ши-гэ, я что-то притомился.

Обед был слишком сытным, да и столько времени в шумной компании он давно не проводил — теперь навалилась сонная нега. Шинань снял с него обувь, размял теплые ступни:

— Поспи, дел всё равно нет.

— Тогда побудь со мной...

— Хорошо.

Как только кан прогрелся, Вэй Цю мгновенно уснул и даже начал тихонько посапывать. Шинань с нежной улыбкой смотрел на него — видать, и правда вымотался, раньше он никогда не храпел во сне.

Вэй Цю проспал до самого утра. Вечером Шинань пытался до него добудиться, чтобы накормить, но безуспешно — пришлось оставить еду греться на печи на случай, если тот проголодается ночью. Но Вэй Цю так и не проснулся, вскочив только на рассвете от того, что «прижало» в туалет.

Он чувствовал себя совершенно заспанным: — Ши-гэ, почему ты меня не разбудил?

Шинань ущипнул его за нос: — Пытался, но тебя пушкой было не поднять.

— Правда? А я и не слышал, — удивился Вэй Цю. Неужели он так крепко спит?

— Проголодался?

Вэй Цю погладил живот: — Ага...

Завтракали вчерашней рисовой кашей с паровым яйцом, мантоу (паровыми булками) и жареным мясом с сушеной горчицей. Вчерашняя жирная пища требовала чего-то легкого, и утренняя каша зашла просто идеально. После еды Вэй Цю принялся мыть посуду, а Шинань начал собираться в город, составляя список покупок, чтобы ничего не забыть.

— Еды у нас еще полно, не покупай лишнего, — наставлял его Вэй Цю. — Дорога плохая, тебе будет тяжело нести.

— Ничего, будет ослиная повозка, да и Мэн Цюань с парнями помогут.

— Ну ладно, только будь осторожен.

— Хорошо. Дома запишись и никому не открывай.

— Понял-понял! Иди уже и возвращайся поскорее, не волнуйся за меня, — Вэй Цю понимал, на что тот намекает, и успокаивающе кивнул.

Когда Шинань уехал, Вэй Цю прибрался в доме и поставил греться котел воды, чтобы постирать нательное белье — через пару дней, под самый Новый год, стирать будет уже нельзя (плохая примета). Ручей у дома еще не замерз, хотя поток стал слабее, и ведро наполнялось долго. Развесив белье под навесом, Вэй Цю уже собирался войти в дом, как вдруг увидел на дороге человека.

— Кто это еще? — удивился он.

Когда незнакомец подошел ближе, Вэй Цю вышел навстречу, пряча руки в рукавах:

— Ты кого-то ищешь?

На вид парню было лет шестнадцать-семнадцать, выглядел он безобидно, но во взгляде читалась хитринка. А уж то, как он бесцеремонно и липко уставился на Вэй Цю, заставило того почувствовать крайнее отвращение.

— Здравствуй, невестка! Чэн Шинань дома?

— Нет. Зачем он тебе? — Вэй Цю мгновенно стал холодным.

Услышав, что хозяина нет, гость стал еще наглее. Он игриво ухмыльнулся и принялся бесстыдно разглядывать Вэй Цю с ног до головы.

«А ведь мать не ошиблась, этот гэр и правда хорош собой. Кожа белая, губы алые, личико изящное — не хуже тех, что в городских борделях. Повезло же этому калеке...» — Чэн Яоцзу (младший брат Шинаня по отцу) почувствовал укол зависти. Если бы он знал раньше, уговорил бы мать отдать этого красавчика ему в наложники.

— Тебе чего надо? Если дел нет — проваливай! — Вэй Цю потерял терпение.

Этот грязный взгляд вызывал у него тошноту.

Яоцзу принял позу «благородного франта»: — Дело вот в чем: мой отец велел Чэн Шинаню зайти домой, обсудить кое-что.

— Обсудить? Какой еще отец? — Вэй Цю, поняв, кто перед ним, не стал церемониться.

— Ты... Мой отец — это и есть отец Чэн Шинаня! — Яоцзу аж зубами скрипнул от такой дерзости.

— У моего Ши-гэ нет такого «дорогого» папаши. С тех пор как разделили хозяйство, было сказано: никаких контактов до самой смерти. Твой старик, может, и неграмотный, не понял, что в бумаге написано, но ты-то неужто тоже читать не умеешь?

— Да и о чем нам с вами толковать? Мы больше не одна семья. Неужто ты вчера голову отморозил и пришел сюда лунатиком?

— Ты! — Яоцзу никогда еще так не осаживали.

Как этот жалкий гэр посмел так дерзить? Его лицо мгновенно позеленело:

— Как ты со мной разговариваешь? Наглец, грубиян...

— Как хочу, так и разговариваю. Не я пришел с утра пораньше портить людям настроение. Передай в доме Чэн: если есть дело — пусть зовут старосту и говорят при нем. А если староста не поможет — пойдем в управу. Нам терять нечего, мы люди простые, а вот захочет ли семья Чэн позориться на весь округ — это уж вам решать.

— Ах ты, дрянь! Повтори-ка еще раз! Ты смеешь мне угрожать? — Яоцзу в ярости ткнул пальцем в сторону Вэй Цю.

Вэй Цю скрестил руки на груди: — Еще чего, угрожать такому, как ты. Советовал бы тебе убрать палец. Если еще раз на меня им укажешь — клянусь, я его тебе отрублю.

Увидев ледяной и мрачный взгляд Вэй Цю, Яоцзу от испуга мгновенно отдернул руку.

— Ты... ты... Ну, погоди у меня! — он задрожал от гнева, не в силах вымолвить ничего путного.

Он не ожидал, что трусливый Вэй Цю стал таким свирепым.

Вэй Цю проводил его взглядом, хлопнул в ладоши и равнодушно вошел в дом. Слизняк...

Но не прошло и часа, как из деревни примчалась разъяренная Цянь-ши (мачеха Шинаня). Эта дрянь посмела угрожать отрубить руку её драгоценному сыночку!

— Проклятый выкормыш! А ну, выходи! — вопила Цянь-ши, колотя в калитку.

Вэй Цю ничуть не удивился. Поправил волосы, заткнул за пояс тяжелый тесак для колки дров и широким шагом вышел во двор. На этот раз он решил разобраться с ними раз и навсегда, чтобы не маячили перед глазами и не портили жизнь своей гнилью.

С грохотом Вэй Цю распахнул дверь и с ходу отвесил Цянь-ши такой пинок, что та кубарем покатила по снегу!

— Ой-ой-ой... — взвыла она. — Ах ты, мерзавец! Ты смеешь поднимать руку на старших? Гром тебя разрази!

— Тетушка, вы уж совсем старая стали, на ногах не держитесь. Зачем же на меня напраслину возводить? Если хотите прикинуться пострадавшей, то делайте это поубедительнее!

— Ты... никому не нужный мусор! Наконец-то показал свое истинное лицо! Больше не притворяешься овечкой? Я всегда знала, что ты — дрянь с дурным глазом.

— Да... пусть я плох, но я хотя бы не набивался в наложницы и не приносил в подоле чужого бастарда, — ледяным тоном бросил Вэй Цю, облокотившись на косяк. — Вы называете других «отродьем», а сами-то кого родили? Если гром и будет кого разить, то первой в списке будете вы!

Цянь-ши вскочила со снега: — Дрянь! Кого ты назвала шлюхой?

— Кто отозвался, про того и речь! Я-то, в отличие от некоторых, не ищу на свою голову проклятий с самого утра.

— Ах ты! Да если бы не моя милость, если бы я не позволила этому калеке Шинаню вернуться, он бы порог дома Чэн в жизни не переступил! Не смей хамить, знай свое место!

Вэй Цю холодно усмехнулся: — Премного благодарны, но ваш порог нам и даром не нужен! Пусть по нему топчется кто угодно, только не мы. И вот что я тебе скажу: следи за своим поганым языком, не то я сам его тебе вымою!

— Смелости набрался? — не унималась Цянь-ши. — Да если бы я тебя не выкупила, гнил бы ты сейчас в борделе, где тебя бы все по кругу пускали! А ты еще смеешь мне перечить...